

Сочиненія А. Луговаго.

СОЧИНЕНІЯ
А. ЛУГОВОГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

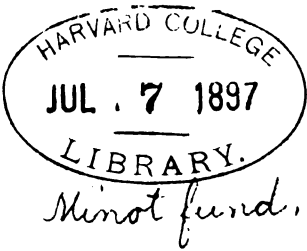
СТИХОТВОРЕНІЯ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1895.

Seaw 4354.8 .

2282

1890.

POLLICE VERSO.

PANNEAUX.

.... въ природѣ всюду видимъ мы споръ, борьбу, попеременную побѣду, и далѣе яснѣй увидимъ въ этомъ собственное волѣ раздвоеніе въ самой себѣ. Каждая ступень объективациі воли оспаривается у другой матерію, пространство и время.

А. Шопенгауэръ.

I.

Munera nunc edunt, et verso pollice vulgi
Quemlibet occidunt populariter.

Juvenalis.

Теплая, темная, южная ночь.

Заснуло все въ природѣ; не щебечутъ птицы, не плещетъ о берегъ волна, веселыя пчелы не жужжатъ надъ ароматными цвѣтами. Ночной воздухъ, какъ бы сторожа всеобщій покой, уснулъ въ своихъ объятыхъ эти чудныя горы и долины, лѣса, сады, ручьи и рѣки, да и самъ какъ будто замеръ въ сладострастной истомѣ. Спать благодатная Кампанья...

Но Римъ не спитъ.

Глухой рокотъ доносится съ отдаленныхъ улицъ вѣчнаго города и со стороны *via Appia*: какъ будто вода размыла акведуки, и ревущіе потоки хлынули съ высокихъ аркадъ на землю. Чѣмъ ближе къ цирку, тѣмъ шумъ сильнѣе, явственнѣе. Это шумъ спѣвающей толпы. Въ общемъ гулъ слышится то громкія ругательства, то

повелительные возгласы эдиловъ и ночныхъ триумвировъ, то смѣхъ, то оклики по именамъ.

Это римская и прибывшая изъ ближайшихъ окрестностей чернь спѣшить занять даровныя мѣста на завтрашнія игры. Давя и толкая другъ друга, врывается она въ открытыя ворота цирка и темными клубками разсыпается по широкимъ скамьямъ погруженного во мракъ амфитеатра. Вмѣстѣ съ плебеями—множество знатныхъ дамъ и спутниковъ ихъ, принадлежащихъ къ сословію всадниковъ. Это самые горячіе, самые страстные любители игръ; они боятся придти позднее и, пожалуй, не найти лучшихъ мѣстъ, ни свободныхъ, ни у спекуляторовъ-локаріевъ. Эти дамы и эти всадники предпочитаютъ сами провести ночь на скамьяхъ цирка, лишь бы помѣститься какъ можно ближе къ аренѣ.

Все прибываетъ толпа. Давка становится сильнѣе. Вдругъ страшный, душу раздражающій крикъ раздается въ самыхъ воротахъ. Всѣ на одно мгновеніе приостанавливаются, оглядываются, словами и взглядами спрашивая другъ друга: что случилось? Ничего, пустяки, — кому-то вывихнули руку. И всѣ опять, попрежнему давя другъ друга, рвутся впередъ. Начальникъ стражи расталкиваетъ толпу, чтобы высвободить изувѣченного, уносимаго общимъ потокомъ и продолжающаго кричать о помощи. Какъ бы въ отвѣтъ на эти крики, подъ сводами цирка отозвалось мощное рычаніе льва; толпа обрадована, и отъ воротъ до верхнихъ рядовъ амфитеатра, гдѣ нѣкоторые зрители начинали уже дремать, проносится веселый, одобрителный говоръ.

Всю ночь шумить толпа. Она растетъ ежеминутно, и восходящее солнце озаряетъ циркъ наполненнымъ сверху до низу. Свободны еще только мѣста сенаторовъ, да между двухъ лѣстницъ, около императорской ложи, большой клинъ — *cuneus* — остался незанятымъ: всѣ мѣста въ немъ охраняются стражей для друзей Спурія Агалы, виновника сегодняшняго празднества. Онъ вступилъ въ должность квестора и, по обычаю, даетъ римлянамъ ихъ любимыя зрѣлища въ циркѣ.

Но вотъ и эти мѣста наполняются; вотъ и сенаторы, въ своихъ бѣлыхъ съ пурпурной каймой претекстахъ, одинъ за другимъ усаживаются на мягкія, шелковыя подушки.

Вотъ и цѣломудренныя блюстительницы священнаго огня богини Весты заняли вестальскую ложу.

Ждутъ еще только самого цезаря: Клавдій сегодня, противъ обыкновенія, опоздалъ.

Въ ожиданіи толпа развлекается. Мальчишки-разносчики, бродя между рядами зрителей, по широкимъ уступамъ амфитеатра, выкрикиваютъ названія лакомствъ. Какой-то старій толстякъ сердито торгуется съ молоденькой продавщицей и не хочетъ отдать ей того, что она требуетъ за подапную ему чашку воды. Въ ряды патриціевъ пробрался хитрый граесулюс¹⁾, выдаетъ себя за халдейскаго астролога и, ловя бросаемыя ему въ подачку монеты, смѣшиваетъ окружающихъ невозможными предсказаніями. Нѣсколько молоденькихъ плебеевъ недовѣрчиво слушаютъ, какъ имъ что-то напентываетъ красивый юноша, и на ихъ хорошенькихъ личикахъ играетъ веселая улыбка. Знатныя дамы ищутъ глазами по всѣмъ скамьямъ цирка знакомыхъ и обвиняются съ ними привѣтственными знаками. Сосѣдки рассказываютъ другъ другу свои похождения, сплетничаютъ, злословятъ, клеветуютъ.

Вонъ Кальпурнія Терентилла, жена богатаго патриція. Ея губы плотно сжаты, брови сдвинуты; она озлобленно косится на одно изъ сосѣднихъ мѣстъ амфитеатра. Она возмущена, какъ никогда! Проклятые локарии, содравъ съ нея страшныя деньги, не нашли ничего лучшаго, какъ посадить ее и дочь ея, Цинтію, именно сюда, какъ на смѣхъ, какъ на пытку: только два мѣста отдѣляютъ ихъ отъ этого негодая Сицинія и его гетеры Сильвіи. Сициній такъ нагло... не оправдалъ ея надеждъ и промѣнялъ ея милую Цинтію, едва распускающійся цвѣтокъ на эту негодницу, отказался отъ узъ Гименея, чтобъ раздѣлить ложе разврата съ тремя любовниками Сильвіи... не считая ея мужа. И теперь они всѣ сидятъ чуть не рядомъ. Великіе боги! Куда же идетъ міръ! Честнымъ матронамъ нѣтъ болѣе мѣста въ Римѣ.

— Посмотри, посмотри, какая стола²⁾ у этой развратницы,—

¹⁾ Graeculus — уменьшительное, презрительное названіе грека. Заѣзжихъ грековъ многіе римляне считали одной изъ причинъ упадка нравовъ. Ювеналь безпощадно бичуетъ ихъ въ своихъ сатирахъ.

²⁾ Stola — родъ туники, которыя носили римскія дамы.

говорить Кальпурнія Цинтіи. — Развѣ матронѣ, женѣ патриціи, пристало носить публично такую прозрачную ткань, сквозь которую видно тѣло? Впрочемъ, что-жъ! Если нѣтъ стыдливости, значить нечего и прикрывать.

Съ негодованіемъ, приправленнымъ завистью и любопытствомъ, разсматриваетъ молодая дѣвушка свою соперницу и шепчетъ: „О злая, злая!“ Но, увлеченная свойственной и ей страстью къ нарядамъ, и она прежде всего обращаетъ вниманіе на нарядъ Сильвіи.

— Смотри, — говоритъ она матери: — какъ ловко набросила она эти складки паллы ¹⁾ съ золотымъ фригійскимъ шитьемъ.

— Ей бы слѣдовало дать черную тогу гетеры, — язвительно шепчетъ Кальпурнія. — Но что же дѣлать, моя милая, если у насъ эдиль плохо смотрять за нравами, и сама Мессалина подаетъ дурные примѣры. О, еслибъ я была цензоромъ нравовъ, еслибъ я имѣла власть воздать всѣмъ имъ должное.

Цинтія внимательно слушаетъ и въ то же время еще внимательно разсматриваетъ бѣлый, шитый золотомъ *zossus* ²⁾, такъ красиво обрисовывающій красивую ногу Сильвіи; недаромъ Сильвія выставила ее на показъ.

— Я бы не позволила ей, — продолжаетъ ворчать Кальпурнія: — я бы не позволила ей распространять здѣсь ароматъ благовоннаго ассирійскаго нарда отъ ея позорнаго и, вѣроятно, смраднаго тѣла! Я бы ей! Вѣдь эта старая мегера всего нѣсколькими годами моложе меня, и если этотъ негодный дуракъ Сициній увидитъ когда-нибудь, какъ она на ночь намазываетъ себѣ на лицо тѣсто на ослиномъ молокѣ, онъ, навѣрное, отвернется отъ своей красавицы. Вѣдь она вся раскрашена!

А Цинтія съ завистью любитъся окрашенной въ золотисто-рыжую краску галльской прической Сильвіи, и ей такъ и хочется вытащить изъ этой прически драгоценную булавку, скрѣпляющую пряди волосъ, и воткнуть ее въ шею своей соперницѣ.

— А откуда взялись всѣ эти драгоценныя украшенія? — про-

¹⁾ Palla—большой кусокъ матеріи, набрасываемый поверхъ тоги; палла соотвѣтствовала тогѣ у мужчинъ. Искусство изящно драпироваться въ паллу очень цѣнилось римлянами.

²⁾ Родъ ботинокъ.

должаетъ свою филиппику неугомонная Кальпурнія. — Откуда у нея эти жемчужины, стоящія жемчужинъ Клеопатры? Пусть другихъ матронъ упрекають хоть въ томъ, что ихъ наряды — плоды ограбленныхъ провинцій; да вѣдь, по крайней мѣрѣ, все это наворовано и награблено ихъ мужьями и отцами. А у этой вѣдь все это отъ любовниковъ! О времена, о нравы!

И, не довольствуясь поношеніемъ Сильвіи за дѣйствительно существующіе проступки и пороки, Кальпурнія начинаетъ приписывать ей другіе, возможные или воображаемые.

— О, я даже увѣрена, — шепчетъ она себѣ подъ носъ: — что еслибъ эту Сильвію начать преслѣдовать за развратъ, она бы все-таки не отказалась отъ него, а, по примѣру Вистилин, сложила бы съ себя достоинство римской матроны, патриціанки, и записалась бы въ спискахъ у эдиловъ содержательницей лупанара. Тамъ бы ей и мѣсто! Да и Сицинію тоже — быть бы ему тамъ прислужникомъ!

И вдругъ понявъ, что она зашла, быть можетъ, дальше, чѣмъ бы слѣдовало въ присутствіи ея молоденькой дочери, Кальпурнія примолкла. Однако, она не утерпѣла, чтобы не докончить свою мысль, и еще проворчала, указывая дочери на Сицинію:

— Посмотри, съ какими смѣшными движеніями обмахиваетъ онъ ее опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ, посмотри, какъ онъ старается показать при этомъ всѣ драгоценныя кольца на своихъ пальцахъ. Это пристало ему больше, чѣмъ мечъ и щитъ.

А прежній женихъ все еще нравится Цинтіи, и она съ нѣкоторой грустью думаетъ о разбитыхъ надеждахъ. „И все это сдѣлали Баи“ — шепчетъ про себя молодая дѣвушка: — „развратныя Баи, *litora castis inimica puellis!* ²⁾ Тамъ онъ измѣнилъ мнѣ, тамъ завладѣла имъ Сильвія!“

Сильвія и Сициній не остаются въ долгу и, въ свою очередь, злословятъ по поводу Кальпурніи и Цинтіи.

На другихъ скамьяхъ амфитеатра другія группы тоже сводятъ такъ или иначе домашніе счета и городскія распри: все это зани-

²⁾ Городокъ Баи (близъ нынѣшняго Неаполя) — мѣсто дачной жизни и теплыхъ и морскихъ купаній для римской знати. *Litora castis inimica puellis* — берега, враждебные непорочнымъ дѣвамъ, — стихъ Горация, относящійся къ Баіямъ.

маеть пока болѣе, чѣмъ интересъ предстоящаго зрѣлища, хотя и любимаго, но привычнаго.

Но мало-по-малу арена завладѣваетъ вниманіемъ зрителей.

Игры уже начались. Клавдій и Мессалина, встрѣченные многоразными привѣтственными возгласами народа, давно уже заняли свои мѣста въ императорской ложѣ; давно прошла торжественная процессія всѣхъ гладіаторовъ, принимающихъ участіе въ разныхъ отдѣленіяхъ сегодняшнихъ игръ; уже началась прелюдія—состязаніе въ ловкости, гдѣ нѣсколько гладіаторовъ сражались колями и деревянными мечами—*graeludebant*; взявъ острое оружіе, они сразились уже и съ дикими звѣрами, и кончился и этотъ бой. Лораріи—прислуга цирка—стащили въ *spoliagium* ¹⁾ нѣсколько растерзанныхъ гладіаторовъ и выбросили за ворота цирка, на улицу, двухъ убитыхъ львовъ, медвѣдя и гіену; тамъ не попавшая въ циркъ голодная чернь разрываетъ ихъ на куски и уноситъ домой наобѣдъ.

А взрытая во время боя арена цирка выравнивается для дальнѣйшаго представленія, и лужи крови засыпаются свѣжимъ пескомъ изъ блестящей, серебристой слюды.

Вниманіе толпы уже слегка возбуждено. Но далеко не всѣ зрители страстные любители звѣриной травли и увлекаются ею; большинство съ нетерпѣніемъ ждетъ другого зрѣлища: боя человѣка съ человѣкомъ.

Труба возвѣщаетъ начало этого отдѣленія.

Привѣтственными криками встрѣчаетъ толпа вышедшихъ на арену двухъ гладіаторовъ.

Это мирмиллонъ и ретіарій ²⁾.

¹⁾ *Spoliarium*—мѣсто въ циркѣ, куда стаскивали съ арены убитыхъ гладіаторовъ для снятія съ нихъ вооруженія, прежде чѣмъ отправить трупы ихъ для погребенія; *spolia*—добыча, грабежъ, *spoliator*—грабитель.

²⁾ *Mirmillo*—названіе рыбы; гладіаторы называвшіеся мирмиллонами, носили галльскій шлемъ съ изображеніемъ рыбы и въ своихъ движеніяхъ подражали плаванію рыбы; ихъ ловили съѣтъ гладіаторы, называвшіеся *retiarii* (отъ *rete*—сѣтъ) и, поймавъ, прикалывали, какъ рыбу, острой-трезубцемъ. Кромѣ этихъ родовъ гладіаторовъ, извѣстны еще: *secutores*—преслѣдователи, *Thracae*—тракіи, *hoplomachi*—тяжеловооруженные, *Samnites*—самниты, *essedarii*—сражавшіеся съ колесницъ, *andabatae*—съ закрытыми глухимъ шлемомъ главами, *dimachaeri*—сражающіеся на коняхъ и пѣшими, и *laquearii*—арканщики.

Легко вооруженный, увертливый рыба-мирмиллонъ становится въ позицію и выжидаетъ удобный моментъ, чтобы наброситься на ретиаріа и нанести ему ударъ мечомъ. А ретиарій, вооруженный острымъ трезубцемъ на длинномъ копъѣ и сѣтью, въ которую онъ долженъ поймать рыбу-мирмиллона, уже размахнулся этою сѣтью въ воздухъ, и мирмиллонъ едва успѣлъ увернуться отъ нея и отбѣжать въ сторону. Ретиарій бросается за нимъ, преслѣдуетъ его, — мирмиллонъ убѣгаетъ, а длинная сѣть снова пролетаетъ почти надъ самой его головой.

Теперь очередь мирмиллона подбѣжать къ ретиарію, чтобы поразить его. Но и ретиарій ловокъ не менѣе своего противника: онъ тоже отскочилъ въ сторону, сталъ въ позицію и опять замахнулся сѣтью, грозя гибелью мирмиллону.

Долго длится искусная борьба, поощряемая страхомъ. Смерть павшему! И каждый изъ борцовъ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы остаться побѣдителемъ.

Но зрителямъ это уже надоѣло, и громкими криками требуетъ соскучившаяся толпа, чтобы борцы скорѣе кончали бой, — одинъ изъ нихъ долженъ скорѣе пасть и умереть, чтобы, по программѣ зрѣлищъ, дать мѣсто другимъ очереднымъ бойцамъ. Уже многіе изъ зрителей цирка побились между собой объ закладъ на десятки тысячъ сестерцій, на чьей сторонѣ будетъ побѣда; они горятъ нетерпѣніемъ обогатиться выигрышемъ заклада и требуютъ скорѣе чьей-нибудь смерти.

Да и сами противники уже дошли до изступленія. И вотъ, мирмиллонъ быстро устремляется на ретиаріа, въ надеждѣ нанести ему ударъ, хотя бы подъ самой сѣтью. Но тотъ уклонился, а предательская сѣть въ одно мгновеніе охватываетъ голову и плечи мирмиллона. Сильнымъ движеніемъ руки дернувъ сѣть, ретиарій роняетъ соперника на землю и, прежде чѣмъ мирмиллонъ успѣваетъ обратиться съ просьбой о пощадѣ къ этой толпѣ, кричащей со всѣхъ сторонъ: „поймалъ! поймалъ!“, — ужасный трезубецъ уже вонзается ему въ грудь. Безъ крика, безъ стона, рыба-мирмиллонъ корчится въ предсмертной агоніи.

Подробное описаніе ихъ въ сочиненіи J. Lips'a: *Saturnalium sermonum libri duo qui de gladiatoribus*. Lutetiae parisior. CIOXXXCV. Lib. II c. VII и др.

Ретиарій поступилъ противъ правилъ, но соскучившаяся толпа не винить его въ этомъ; она довольна, что онъ, не дожидаясь разрѣшенія зрителей убить павшаго, сразу приколотъ пойманную рыбу; зрѣлище вышло живѣе, и толпа привѣтствуетъ побѣдителя.

Между тѣмъ всѣ съ любопытствомъ слѣдятъ за произвольными движеніями умирающаго мирмиллона. Пока его кололи, онъ, по правиламъ гладіаторскаго искусства, не долженъ былъ защищаться или съезживаться; онъ долженъ былъ неподвижно принять ударъ; но теперь предсмертныя содроганія интересуютъ толпу, пріятны ей. Зрители смѣются, показывая другъ другу, какъ онъ двигаетъ руками и ногами: „какъ будто плаваетъ! Настоящій мирмиллонъ, настоящая рыба! Да нѣтъ, не выплыветъ! Вонъ и лорарій!“

Лорарій подходитъ къ умирающему, тяжелымъ молоткомъ добиваетъ его по головѣ на смерть и, зацѣпивъ крюкомъ, за что попало, тащитъ, уже бездыханнаго, въ споліаріумъ. Борозду, проведенную на аренѣ трупомъ, засыпаютъ свѣжимъ пескомъ.

Снова загрѣмѣли трубы.

Отворяются ворота съ двухъ противоположныхъ сторонъ арены — съ востока и съ запада, и, по-двое въ рядъ, выѣзжаютъ на бѣлыхъ коняхъ четыре пары андабатовъ. Снова шумные крики встрѣчаютъ ихъ появленіе, и сотни одеждъ полетѣли въ воздухъ, падая назадъ на головы неистовствующей отъ восторга толпы.

Солнце поднялось теперь уже выше стѣнъ ничѣмъ не покрытаго цирка и яркими лучами отразилось на золоченыхъ шлемахъ, на легкихъ щитахъ и короткихъ мечахъ андабатовъ. Но они не видятъ ни солнца, ни другъ друга: глухіе шлемы закрываютъ имъ глаза. Ихъ смертный бой — игра въ жмурки.

Лораріи берутъ подъ уздцы лошадей, разводятъ ихъ въ разныя мѣста арены и удаляются.

По данному знаку противники начинаютъ съѣзжаться, отыскивая другъ друга... Противники!.. Сейчасъ, до выѣзда на арену, они дружески разговаривали и пили вино, которымъ ихъ угощали передъ боемъ; но теперь они — противники, они должны перерѣзать другъ друга, и всѣ до одного.

Медленно двигаются кони, направляемые слѣпыми всадниками наудачу, по слуху, на шорохъ копытъ, на ржаніе другихъ коней.

Вотъ двое съѣхались. Но они повернули своихъ коней не другъ противъ друга, они ошибаются въ разстояніи и, думая уловить противника тутъ же, рядомъ, наносятъ удары въ воздухъ. Толпа смѣется, а болѣе нетерпѣливые изъ зрителей кричатъ андабатамъ:

— Не туда! Направо, направо!

— А ты лѣвѣй. Не туда!.. Экой оселъ!

Но андабаты еще болѣе сбиваются съ толку. Тотъ, которому надо взять направо, ѣдетъ направо, другой, принимая этотъ крикъ за указаніе себѣ, поворачиваетъ тоже направо. Недовольная толпа осматриваетъ ихъ обоихъ ругательствами.

Но теперь вниманіе зрителей привлекаютъ уже двое другихъ; эти ѣдутъ какъ разъ навстрѣчу одинъ другому.

— Прямо, прямо, — кричатъ имъ со всѣхъ сторонъ, — и андабаты съѣхались — слѣпые — лицомъ къ лицу, нога къ ногѣ. Кони встали бокъ о бокъ. Всадники ощупали другъ друга, перегнулись и почти одновременно острые клинки вонзаются въ ихъ тѣло. Выпустивъ изъ рукъ мечи и поводья, противники падаютъ: одинъ, пораженный до самаго сердца, склоняется безъ стога; другой, едва успѣвъ вскрикнуть, хватается лѣвой рукой за врѣзавшійся ему въ животъ ножъ, а правой — за плечо своего товарища-врага, увлекаетъ его виѣсть съ собой на землю и въ предсмертныхъ судорогахъ начкается въ лужѣ собственной и товарищеской крови. Лишенные всадниковъ, обогранные кровью бѣлые кони шарахнулись въ стороны и понеслись по аренѣ. Радостными, одобрительными возгласами зрители награждаютъ убитыхъ гладіаторовъ за эти ловко нанесенные ими удары.

Но на время удовлетворенная смертью двухъ бойцовъ, толпа сейчасъ же и отвернулась отъ нихъ и теперь терпѣливо слѣдитъ, какъ другіе андабаты ищутъ другъ друга.

Нѣсколько коней уже ранено, всадники сброшены, пѣшіе и конные — всѣ бродятъ по аренѣ навстрѣчу смерти, смѣша зрителей неловкими шагами, неловкими движеніями протянутыхъ впередъ рукъ. То тутъ, то тамъ столкнутся двое, трое; боковой ударъ клинка оторветъ кусокъ мяса на рукѣ, на бедрѣ; ранять лошадь или ударъ копыта спишетъ кого-нибудь съ ногъ; но потомъ противники опять теряютъ направленіе и разойдутся. Каждый стережетъ, чтобы не

получить ударъ сзади, каждый прислушивается къ шороху шаговъ, къ топоту копытъ, ошибается и, подстрекаемый возгласами толпы, продолжаетъ смѣшивать зрителей своей неловкостью. Стоны, хохотъ, говоръ, крики и ржанье сливаются въ одинъ общій гулъ.

Но солнце жжетъ. Толпа раздражается, и андабаты начинаютъ надобдывать ей. Зрители требуютъ развязки.

Тогда появляются на арену служители цирка съ раскаленными желѣзными копьями и, касаясь ими до обнаженныхъ частей тѣла андабатовъ, направляютъ и подгоняютъ бойцовъ другъ къ другу. Столкновение неизбежно. Теперь уже всѣ пары сошлись, всѣ сѣшлись, одни уже рѣжутся, другіе пали, третьи, чтобы избѣжать ударовъ клинка въ грудь, сѣшались руками, борются, упали, и душатъ другъ друга, пока одинъ изъ двоихъ не испуститъ послѣдняго, хриплаго вздоха, а другой такъ и закончатъ со сжатыми руками у горла своего товарища. Побѣдивъ одного, андабаты опять ищутъ новаго противника и сѣшляются съ нимъ, а зрители съ разгорѣвшимися глазами слѣдятъ за зрѣлищемъ и подбодряютъ умирающихъ умирать скорѣе, чтобы не задерживать представленія.

Всѣ пали; лораріи трогаютъ раскаленнымъ желѣзомъ лежащихъ на аренѣ гладіаторовъ и, если они подають признаки жизни, прокалываютъ ихъ еще не остывшими раскаленными копьями и на крючьяхъ утаскиваютъ трупы ихъ въ споліаріумъ.

Арена снова выравнивается и посыпается свѣжимъ пескомъ. Но и сквозь песокъ, подъ лучами горячаго солнца, запахъ крови поднимается къ зрителямъ, поднимается къ голубому безоблачному небу.

Съ напряженнымъ вниманіемъ ждутъ римляне продолженія зрѣлища; они довольны, счастливы. Но есть и неудовлетворенные; эти — или равнодушны, или прямо высказываютъ неудовольствіе.

Самъ императоръ, большой любитель игръ, сегодня что-то плохо развлекается. Хотя надъ императорской ложей раскинуть шитый золотомъ шелковый пологъ, но Клавдій уже видимо истомился отъ жары. Къ тому же онъ неохотно смотритъ андабатовъ, потому что ихъ закрытые плечи мѣшаютъ видѣть искаженные агоніей лица: это наслажденіе доставляютъ ему чаще всего ретіаріи. Теперь онъ апатично глядитъ по сторонамъ и, думая о другомъ, болѣе потрясающемъ представленіи, изрѣдка перемигивается съ своимъ любим-

цемъ Нарциссомъ. У нихъ есть общая мысль. Они задумали удивить римлянъ зрѣлищемъ наумахін ¹⁾, которое должно затмить наумахию Августа. Работы по спуску водъ Фуцинскаго озера въ Тибръ приближаются къ концу. Одиннадцать лѣтъ и тридцать тысячъ чело-вѣкъ работали надъ этимъ каналомъ. Празднество открытія должно быть величественно. И вотъ уже 20 тысячъ преступниковъ, обреченныхъ на смертную казнь, собрано въ тюрьмахъ Рима и провинцій; это—будущіе участники въ наумахін. И судьи болѣе усердно чѣмъ когда-либо продолжаютъ произносить смертные приговоры: преступниковъ нужно еще много,—зрѣлище спуска водъ Фуцинскаго озера должно быть величественно! Понятно, что Клавдію скучно смотрѣть на эти четыре пары андабатовъ. Онъ уже не прочь бы и уйти, но, по обычаю и въ угоду Мессалинѣ, досидитъ до конца. Впрочемъ, безпamyтныи, онъ уже и забылъ, давно ли началось представленіе и скоро ли оно кончится, забылъ даже, о чемъ онъ сейчасъ думалъ, и теперь мысли его во дворцѣ, гдѣ его сотрудникъ по историческимъ изысканіямъ, историкъ Поливій, разбираетъ надписи на недавно найденной старинной этрусской вазѣ. Чудная ваза! Ахъ, скоро ли всѣ эти гладіаторы перерѣжутъ другъ друга? Клавдію хочется поскорѣе опять углубиться въ этрусскія надписи. А тутъ еще новые гладіаторы выходятъ на арену! Ну ихъ!

Между тѣмъ, недалеко отъ императорской ложи одинъ изъ сенаторовъ едва уловимымъ презрительнымъ взглядомъ смотритъ на императора. Обрюзглое лицо сенатора напоминаетъ бессмысленное лицо Клавдія, но сенаторъ не узнаетъ въ другомъ своихъ чертъ; онъ смотритъ на Клавдія свысока. „Какой онъ императоръ!“ — думаетъ старикъ. — „Развѣ такіе императоры были у Рима, развѣ такіе императоры нужны Риму! Жалкій старикашка, занимающийся старыми камешками и обломками этрусскихъ горшковъ и до сихъ поръ не сумѣвшій устроить даже порядочныхъ игръ въ циркѣ. Вотъ какими зрѣлищами должны мы теперь довольствоваться!“

И, обратившись къ сосѣду, старикъ съ безразличной ироніей про-шамкалъ беззубнымъ ртомъ:

¹⁾ Наумахія—*naumachia*—бой гладіаторовъ на корабляхъ и лодкахъ, изображавшій примѣрное морское сраженіе.